

Александр ВАРГО
и «Апостолы Тьмы»

ПРАХ

*Он потерял память.
Это ненадолго продлило ему жизнь...*

18+

MYST. Черная книга 18+

Андрей Фролов
Прах (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фролов А. Е.

Прах (сборник) / А. Е. Фролов — «Эксмо», 2018 — (MYST.
Черная книга 18+)

ISBN 978-5-04-091852-2

Берег Охотского моря. Мрак, холод и сырость. Но какие это мелочи в сравнении с тем, что он – свободен! Особо опасный маньяк сумел сбежать во время перевозки на экспертизу. Он схоронился в жутком мертвом поселке на продуваемом всеми ветрами мысе. Какая-то убогая старуха, обитающая в трущобах вместе с сыном-инвалидом, спрятала его в погребе. Пусть теперь ищут! Черта с два найдут! Взамен старая карга попросила его отнести на старый маяк ржавую и помятую клетку для птиц. Странная просьба. И все здесь очень странное. И почему ему кажется, что он здесь уже когда-то был? Он пошел, а в голове крутилось последнее напутствие старухи: успеть подняться на маяк до рассвета, пока с моря не придет плотный липкий туман...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091852-2

© Фролов А. Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Александр Варго. Прах	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Фролов, Александр Варго, Михаил Киоса Прах

© Варго А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Все происходящие события, имена и географические названия являются вымыслом автора и их совпадение с реальностью случайно.

Александр Варго. Прах

«Наше прошлое куда туманнее нашего будущего, потому что о будущем труднее соврать...»

Народная мудрость

*«И души бывают в тумане,
В таком, что ищут маяк.
Забывать бы им об обмане,
Усвоить, что жизнь – пустяк...»*

Наталья Гора

Сахалинская область, полуостров Демино, берег Охотского моря, 16 сентября 2017 года

С морских просторов, уныло завывая, дул пронизывающе-колкий ветер, взлохмачивая без того сбившуюся в засаленные колтуны шерсть ободранного рыжего кота. Хрипло мяукнув, хвостатый уставился своим единственно уцелевшим глазом в сторону пустынного берега. Своего второго глаза кот лишился в ожесточенной схватке с сородичами из-за дохлой вороны пару лет назад. Было бы не так обидно, если бы взамен органа зрения в качестве некой компенсации ему досталась бы эта громадная хреновина с клювом и крыльями, но тот день был явно не его, и Великий Кошачий Бог (если он, конечно, существовал) не благоволил ему. В итоге истерзанный и начинающий пованивать труп вороны достался другим, а он, ослепленный жгучей болью, визжа и мяукая, был вынужден отползти в сторону, вытирая с носа липко-розовую жижу – все, что осталось от глаза.

Впрочем, Дын (так звали кота) вскоре забыл о своем поражении, тем более что дырка в пустой глазнице быстро зарубцевалась. Новый день приносил новые испытания – урчащий желудок настойчиво требовал жрать; бродячие собаки вконец озверели и, настигая кого-либо из его собратьев, беспощадно рвали в клочья; неумолимо надвигались суровые холода... на фоне чего потеря глаза казалась сущим пустяком. Точнее, крошечный мозг животного и думать забыл об этом – тем паче, что второй глаз видел превосходно.

Дын снова мяукнул и засеменил прочь. Через несколько минут появилась неказисто-серая полуразрушенная трехэтажка с обвалившимися балконами, обрамленная буйными зарослями кустарника. Из пустых оконных глазниц веяло затхлым тленом и пустотой. Лишь на первом этаже окна были старательно затянуты полиэтиленовой пленкой, мутно-серой, местами поцарапанной и грязной, но вполне способной защитить от сильного дождя.

Когда-то за двором, как это общепринято в цивилизованном городе, следили коммунальные службы, ежедневно убирая и вывозя мусор, кустарники и газоны аккуратно подстригались, а бордюры и газонные ограды регулярно обновлялись свежей краской. Теперь же истрескавшиеся под воздействием времени и погодных явлений бордюрные блоки напоминали раскошенные зубы великана, а изогнуто-проржавевшие ограды так и просились на свалку, даже не претендуя быть сданными в металлолом.

Помочившись, Дын закопал влажное пятно. Фыркнув, он вспрыгнул на ступеньки, сплошь покрытые сколами, как вдруг замер и резко обернулся. Слипшаяся на загривке шерсть поднялась дыбом.

Из пожухлого кустарника неторопливо выползла крупная облезлая крыса. Грязно-розовый хвостик мягко обвил лапы грызуна, блестящие глаза-бусинки изучали кота пронзи-

тельно-холодным взглядом. Создавалось ощущение, что крыса совершенно не боится животного, которое по всем законам природы является охотником на него самого.

Остатки рваных ушей Дына слегка приподнялись, он припал к ступенькам и, вытянув вперед тощую шею, яростно зашипел. Крыса молча наблюдала за котом, и лишь когда тот, возмущенный ее спокойной реакцией, прыгнул со ступеньки, с подчеркнутой ленцой уползла обратно в кусты. Несколько секунд Дын неотрывно глядел ей вслед, затем чихнул и, быстро потеряв интерес к крысе, снова заспешил в дом. Входная дверь отсутствовала уже лет пять, и кот беспрепятственно прошмыгнул в зияющую черную дыру, ведущую в стылый подъезд.

Миновав прислоненный к стенке измятый почтовый ящик, он остановился у одной из квартир. Она была единственная в доме, где еще имелась дверь – обшарпанная, потемневшая от въевшейся грязи и плесени, но все же это была дверь, которая открылась с протяжным скрипом, едва Дыну стоило поскрестись когтями.

Наружу выглянуло старушечье лицо землистого цвета, сплетенное из глубоких морщин. Казалось, если сунуть монетку в одну из заиндевевших складок, она так и останется там торчать.

– Это ты, старый обормот? – прокаркала пожилая женщина. У нее был такой вид, будто с минуты на минуту она ждала курьера с дымящейся пиццей и была раздражена, когда вместо него перед ее глазами предстал помойный кот с торчащей колтунами шерстью.

Впрочем, никаких курьеров и пиццерий тут не было и в помине. Не только в округе, но и в радиусе десятка километров как минимум. Ранее процветающий и подающий надежды Деминск, будучи крупным морским портом, всего за пару десятилетий обезлюдел, выцвел и усох, как сброшенная кожа змеи. Города, по сути, не было, он был давно мертв.

– Для тебя жрать нечего, – предупредила старуха, пропуская кота в жилище. – Надеюсь, ты поймал какую-нибудь ленивую мышь.

Он потерялся о темные, испещренные гроздьями лилового варикоза ноги старухи и уже неспеша двинулся вглубь помещения.

Вздыхая, старуха прикрыла дверь и зашаркала следом. На ней был измято-выцветший балахон с накинутым на голову капюшоном и ветхая, протертая до дыр юбка, закрывающая до колен костлявые ноги, обутые в пыльные калоши. Поражала неестественная и даже жуткая худоба и сухощавость этой странной, неряшливо одетой женщины – ее словно выжали, как мокрую губку, а затем положили на подоконник, под лучи палящего солнца, где она основательно усохла, съезжилась и растрескалась, и лишь после этого ее швырнули за окно, как окаменевшую воблу. Однако вопреки законам биологии это несчастное создание вдруг ожило, поднялось на ноги и, кряхтя, поплелось по своим делам.

Дын обошел все углы, старательно принюхиваясь, и, не найдя ничего съестного, остановился возле самодельной, донельзя закопченной печки.

– Мяу, – на всякий случай подал он хриплый голос.

– Пошел на хрен, – не глядя на него, буркнула старуха. Она стояла на так называемой кухне, окидывая внимательным взором расставленную на дряхлом столе нехитрую провизию – несколько черствых лепешек, две вяленые рыбы, мутную банку с сушеными ягодами и яблоко с коричневым боком.

Женщина озабоченно покачала головой, затем взяла одну лепешку, зачерпнула мятым ковшиком воды из стоявшего поодаль ведра и заковыляла в другую комнату. Там, у окна, в скособоченной инвалидной коляске притулился высокий тощий мужчина. Наголо выбритый череп и чрезвычайно худое лицо, как и у пожилой обитательницы дома, делали его похожим на узника концентрационного лагеря. Он постоянно моргал, как если бы не был до конца уверен, где явь, а где сон.

На нем был засаленно-белесый спортивный костюм, и лишь при ближайшем рассмотрении можно было догадаться, что когда-то он был черным. Обмякшие ноги неестественно свисали с просевшего сиденья, словно два чулка, набитые мусором. На коленях молодого человека лежала неоконченная поделка из деревяшки – кошачья оскаленная морда. Верхняя часть штанов и весь пол под инвалидом были усеяны стружками.

– Я скоро уйду, – сказала старуха и, помедлив, прибавила: – постараюсь вернуться как можно скорее.

Ее взор уткнулся в резак, который сжимал в руке мужчина.

– Смотри, не порежься.

– Д... Дын, – всхлипнул он, тыкая пальцем в деревянную поделку.

– Ага, я вижу. Знаешь, очень похоже, – похвалила старуха. Новый порыв ветра зашевелил мутную пленку, иссеченную царапинами, как старый пиратский парус. Она подошла к окну и, прикинув к крохотной дырочке в полиэтилене, прошептала:

– Так я и предполагала. Ветер усиливается. Так все и должно случиться. Дай-то Бог...

– Не... ходи, – с усилием выдавил сидящий в коляске.

Старуха погладила его по голове. Недавно сбритые из-за вшей волосы уже начали потихоньку отрастать, и череп инвалида был шершавым, как наждак. Но она любила эти прикосновения. Как и своего беспомощного сына.

Он умоляюще смотрел на нее, и та с болью подумала о собаке, которая смотрит своими влажными глазами на уезжающих хозяев, которые бросили ее на обочине. Просто потому, что надоела.

Но она – не они. И она никогда не бросит своего сына.

И ей нужно во что бы то ни стало сегодня сделать это дело. Пусть даже пойдет снег, град, цунами и разверзнется земля, выпуская наружу смертоубийственное пламя из преисподней. Ни ангелы, ни черти не помешают ей.

Главное – ноги.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы ее подвели собственные ноги. А ведь с каждым днем ей все сложнее и сложнее выходить наружу. Будь то поиск еды или тряпок для заделки щелей в их доме.

Она старалась не думать о предстоящих трудностях, с которыми ей придется столкнуться. Потому что последние несколько часов перед глазами старой женщины все отчетливей вырисовывался жуткий образ: время утекает, а она лежит на полдороге с распухшей, одревеневшей ногой, не в силах продолжить путь, и от этого ее прошибал ледяной пот.

С большим трудом старуха опустила на корточки, и их лица оказались на одном уровне. Две нескладные уродливые куклы из третьесортного слэшера, одетые в рванину, на которой побрезговали бы спать уличные псы.

– Ромочка. Мне очень нужно. Понимаешь? – медленно, едва ли не по складам произнесла она, заглядывая в беспрестанно моргающие глаза сына.

– Ма...

– Нам нужно, – поправила старуха. – Нам обоим это нужно. Другого выхода нет.

Роман издал хлипко-всасывающий звук. Так ребенок допивает через соломинку остатки лимонада из бумажного стаканчика. Из уголка его рта потекла слюна.

– Все будет чудесно, – мягко произнесла старуха. Она заботливо вытерла губы сына и улыбнулась ему. Казалось, на почерневшем сморщенном яблоке сделали надрез.

– Ма... ма, – еле ворочая языком, выдавил молодой человек.

Старуха обняла его.

– Ты справишься, ты сильный. И у тебя все получится. Я оставлю тебе поесть. Видишь? Лепешка и рыбка. Захочешь пить, вот ковшик с водой.

– Пло... он... – вновь всхлипнул Роман. Губы вновь повлажнили от слюны.

Старуха отстранилась, с недоумением глядя на сына. Она научилась понимать его с полуслова.

– Плохой сон? Тебе приснилось что-то нехорошее?

Он кивнул с обреченным видом.

– Это ничего не меняет, – сказала она после короткого раздумья. – И мне все равно придется идти.

С величайшей осторожностью женщина выудила из кармана облупленные часы на заско-рузлом шнурке. Кожаный ремешок давно истрепался, и она носила часы в кармане. Пожалуй, единственный предмет из той жизни, когда все было по-другому – за окном слышался детский смех, в доме работал телевизор, играла музыка, по улицам ездили автомобили, и все было прекрасно. Несмотря на пройденные годы, механизм часов все еще был рабочим и исправно показывал время.

Оставалось еще чуть более часа. Может, полтора. Но лучше выйти заранее, чтобы успеть все сделать не торопясь.

– Рассказать тебе что-нибудь? – спросила она, но Роман неожиданно встрепенулся. Повернув голову в сторону окна, он нахмурился. Затем испуганно взглянул на мать.

– Что там? – тихо спросила старуха, сдвинув брови.

На лбу инвалида выступил пот, пальцы мелко задрожали, резак выскользнул из чумазных пальцев.

А меньше чем через минуту в подъезде послышался шум, после чего кто-то настойчиво забарабанил в дверь.

* * *

– Этого не может быть, – ошарашенно проговорила старуха. – Тут... – Она закашлялась, прочищая горло, – тут никого нет! Нам просто показалось!..

Стук в дверь возобновился с удвоенной силой, и она вздрогнула. Еще немного, и хлипкое прикрытие, условно называющееся дверью, не выдержит.

– Ма... – хлюпнул Роман.

– Все хорошо, сынок, – успокаивающе сказала она, но при этом ненавидя себя за дрогнувший голос. – Я сейчас все узнаю.

Шаркая грязными калошами, женщина потащилась к входной двери. Застыла, прислонившись ухом к ветхим лохмотьям дерматиона.

– Кто это? – выдохнула она.

Стук прекратился, и тут же раздался хриплый шепот:

– Откройте... я ранен.

Скрюченная птичья рука уже потянулась к замку, как морщинистое лицо женщины накрыла тревожная тень. От этого странного каркающего голоса за дверью веяло бедой.

– Я ничем не смогу тебе помочь, – ответила она напряженно. – У меня только вода. Даже чистых тряпок нет.

От последовавшего толчка в изветшалую дверь старуха отпрянула, как от ядовитой змеи. У нее пронеслась мысль, что еще пару крепких толчков, и замок попросту вылетит внутрь вместе с дверью.

– Открой... Я истекаю кровью, – прохрипели снаружи.

«Плохой сон».

Слова сына колыхнулись в памяти, как облитые бензином угли.

Едва соображая, что делает, старуха повернула ключ, выталкивая ригель из разохшейся рамы, и дверь тут же рванули на себя. Она отшатнулась, с испугом глядя на вихрем влетевшего мужчину. Незнакомец был невысокого роста, коренастый, взгляд волчий, исподлобья. Темно-

серая куртка и такого же цвета штаны в прорехах заляпаны свежей грязью, правая рука залита кровью.

Прежде чем старуха успела что-то сказать, вошедший торопливо захлопнул дверь, привычным движением повернув ключ, как будто делал это несколько раз на дню.

– Кто ты? – спросила она, постепенно приходя в себя.

– Кто еще дома? – вместо ответа спросил незнакомец. Старуха заметила на его худом кадыке громадный рубец.

«Теперь понятно, отчего у него такой простуженный голос», – подумала она.

– Тебя не учили здороваться? – задала она вопрос, но незваный гость, раздраженно оттолкнув ее в сторону, бесцеремонно прошел внутрь. Увидев сидящего в инвалидном кресле Романа, он замер и несколько секунд ощупывал его недоверчиво-колючим взглядом, от беспомощных ног до изжелта-голого черепа. Роман тоже смотрел на странного визитера, беспокойно моргая глазами.

– Кто это? – не оборачиваясь, поинтересовался вошедший.

– Мой сын, – с достоинством ответила старуха, прошаркав в комнату. – Может, все-таки соизволишь рассказать, что случилось?

Тот обернулся.

– Я попал в аварию, – глядя в сторону, произнес он. – В нескольких километрах отсюда. Все погибли. Мне нужна чистая одежда и бинты.

Она усмехнулась. Про себя пожилая женщина уже поняла, что из себя представляет этот чумазый тип с окровавленной рукой.

– Авария, говоришь? Машина, поди, с решетками была?

В глазах незнакомца мелькнули опасные огоньки, но старуха продолжала, словно не замечая этого:

– Много лет сюда не заглядывала ни одна живая душа. Ближайший поселок «Салкановский» отсюда в одиннадцати километрах, но ты явно не оттуда. Но зато тут еще есть колония особого режима. Вот, собственно, и все.

Она приблизилась к мужчине вплотную.

– Так что не лги мне, мальчик. Хочешь, я дам тебе осколок зеркала? Полюбуешься на себя и сам поймешь, как смешно звучат твои слова про аварию. На тебе тюремная роба. На твоих запястьях следы от наручников. А твоя рана... Уж очень смахивает на дырку от пули.

С этими словами старуха ткнула узловато-кривым пальцем в рваное отверстие на его плече, из которого все еще сочилась кровь. Грязный длинный ноготь попал точно в сырую мякоть раны, и лицо мужчины исказилось от боли. Издав хриплый клекот, он размахнулся и ударил старуху. Крепко сбитый кулак угодил ей в лицо, чавкнул сломанный нос, и хозяйка дома, не удержавшись, рухнула на пол, неуклюже подвернув ногу. Тонко хрустнула кость, и она отключилась. На ее побледневшем лице застыла кривая усмешка.

– С-сука, – сплюнул мужчина. Он покосился на свою рану, заскрипев зубами.

– У... бя, – с трудом выговорил Роман. Нижняя губа молодого человека задрожала, изо рта вновь закапала слюна. Он вытянул вперед трясущуюся руку, направив резак в сторону беглого эка.

– Очень страшно, – кивнул незнакомец. – Я уже наложил в штаны от испуга.

– Уб... бя, – упрямо повторил инвалид.

Мужчина шагнул вперед и ударом ноги вышиб нож из его костлявой руки. Лицо Романа скривилось, будто он вот-вот заплачет.

– Угомонись, – велел уголовник. – Ты что, псих?

Роман не ответил. Тяжело дыша, он сверлил его испепеляющим взглядом. Вероятно, если бы мысли могли убивать, от незнакомца осталась бы горстка дымящейся золы.

– Псих, – сделал вывод «гость».

Присев на корточки, он задрал веки старухи, потом пощупал пульс.

– Жива твоя мамка, – бросил он Роману. – В следующий раз подумает, прежде чем свои клешни под нос совать.

После этого мужчина быстро обследовал комнаты, и по мере того, как он переворачивал скудные пожитки жильцов, его лицо мрачнело. Из одежды ему удалось обнаружить лишь грязную футболку и засаленные тренировочные штаны, отвратительно воняющие мышами.

– Такими даже полы драить запаadlo, – хмуро произнес он вслух. Выругавшись, он швырнул треники в сторону самодельной печки, и они, словно кишки, повисли на измятой, черной от копоти трубе.

На кухне он наткнулся на лепешки с рыбой. Рассеянно пережевывая черствый хлеб, он, оглядываясь по сторонам, неожиданно увидел прищипленную к штукатурке фотографию. В какой-то момент беглый зэк чуть не поперхнулся.

На фото была изображена девушка. Даже не девушка, а девочка, подросток, которой едва ли исполнилось тринадцать. Золотистые выющиеся волосы, изумрудные глаза, обворожительные ямочки на щеках и обезоруживающе-яркая улыбка. Улыбка маленькой принцессы, еще не заостреннейшей от житейских трудностей, свойственных взрослым людям, в особенности обитающих здесь, в суровых условиях Дальнего Востока.

Целую минуту мужчина безмолвно рассматривал фотографию. В заплесневело-грязном захолустье эта чудесная девчушка смотрелась так же неуместно, как сапоги ассенизатора на алтаре.

«Наверное, это внучка той старой гримзы», – подумал он, доедая лепешку.

К изумлению мужчины, фотография в буквальном смысле притягивала как магнит, и он с неохотой оторвал взор от карточки.

Пора бы позаботиться о себе. Согреть воды, обработать рану...

Под ногами что-то зашуршало, и он вздрогнул.

Бледно-рыжий кот прошмыгнул мимо, задев его ногу облезлым хвостом, и опрометью метнулся прочь.

– Засранец, – с облегчением вздохнул зэк.

Он вернулся в комнату, где оставил инвалида с хозяйкой дома, и остолбенел.

Старухи не было. Небольшая лужица крови, вытекшая из разбитого носа, пока она лежала на полу, – единственное, что напоминало о хозяйке дома.

Мужчина перевел тяжелый взгляд на Романа.

– Где она? – процедил он.

Инвалид молчал, затравленно глядя на него.

– Семейка уродов, – выругался уголовник.

За спиной раздался тихий смешок.

Он резко повернулся и тут же пошатнулся от сильного удара арматурой по голове. В мозгу что-то оглушительно лопнуло, в глазах заискрились обжигающие всполохи, и на этот раз сознание потерял он.

– Все замечательно, Рома, – прошелестела старуха. Капюшон слетел с ее головы, обнажив голый череп в грязных разводах.

– Ма... – выдавил Роман.

Ему было страшно. Его пугал этот злой незнакомец, что едва не убил его маму. Пугала кровь, лужей растекшаяся по пыльному полу. Его пугала сама мама – хрипло дышащая, с кривой арматуриной в руке, залитым кровью лицом, с трудом подволакивающая ногу. Роман обратил внимание, что после того, как мама очнулась и поднялась, она стала хромать еще сильнее.

– Ничего страшного, – промолвила старуха, уняв дыхание. Она изучающе глядела на распластавшегося мужчину. – Мне кажется, я видела его раньше. У меня отличная память на лица. Вполне возможно, что когда-то этот неудачник жил здесь.

За окном слышался шум работающего двигателя.

Мать и сын обменялись напряженными взглядами.

– Это за ним, – прошептала старуха. – Его ищут.

Ухватив незнакомца за ноги, она, кряхтя и отдуваясь, поволокла его в самую дальнюю комнату. Подтащив бесчувственное тело к подвалу, она откинула крышку. В нос шибануло плесенью и чем-то протухшим.

– Постарайся упасть мягко. Потому что, если ты переломаешь себе ноги, я убью тебя, – предупредила старуха, вытирая пот с грязного лба. – Мне нужны твои ходули, парень.

Она перевела дух и уже собиралась столкнуть мужчину в чернеющий зев, как тот открыл глаза.

– Я вырву твое сердце, ведьма, – проскрипел он, пытаясь подняться. – Я...

– Заткнись, идиот, – оборвала его старуха, но голос ее звучал беззлобно. Напротив, он был спокойным и даже деловитым, как если бы она намеревалась предложить беглому преступнику сделку. – За тобой приехали. Если будешь сидеть тихо, никто ничего не узнает. Потом я перевяжу тебя.

Зэк оторопело смотрел на пожилую нищенку. Кровь тонкой струйкой стекала из раны на лбу.

– У них может быть собака, – не очень уверенно предположил он.

– Сейчас это неважно. Просто сиди и молчи. Давай, полезай внутрь.

Старуха уже собиралась захлопнуть за ним крышку, как внезапно ей пришла в голову одна мысль. Хромая, она потащилась в комнату к сыну, направившись к колченогому стулу с грубо вырезанной дырой на сиденье. Наклонилась, вытаскивая из-под него облезлый горшок, предусмотрительно накрытый крышкой.

– Это отобьет запах, – хмыкнула она. – Хорошо, что я не успела вылить...

– Ма... – жалобно протянул Роман.

Старуха обернулась.

– Ты должен молчать. Понял? Какие бы тебе ни задавали вопросы.

Инвалид покорно кивнул.

– Веди себя так, как будто ничего не произошло.

Вернувшись к подвалу, пожилая женщина наклонилась вниз.

– Прижмись к стене, – приказала она, выплескивая нечистоты внутрь.

Улыбнулась, услышав, как беглый зэк прошипел какое-то ругательство.

– Ничего, потерпишь, – сказала она.

– Дай мне хотя бы нож! – злобно потребовал уголовник.

Старуха покачала головой.

– Он тебе не поможет, если тебя найдут. Тебя изрешетят, как сито.

Снаружи постучали, едва она успела затереть на полу кровь.

Перед тем как подойти к двери, она посмотрела на Романа.

– Все будет хорошо, – сказала она ободряюще и подмигнула сыну.

В дверь снова яростно забарабанили.

– Откройте, полиция! – пробасил кто-то.

Вздохнув полной грудью, старуха поплелась в прихожую.

Каждый шаг отдавался хлесткой болью в колене, казалось, ногу проткнули раскаленным шомполом.

«Боже, помоги мне», – мысленно взмолилась она, отпирая дверь.

Снаружи стояло трое крупных мужчин. Физиономии уставшие и мрачные, с мешками под глазами, взгляды угрюмо-неприятные.

Вперед вышел грузный полицейский, на погонах блеснули капитанские звездочки.

– Участковый уполномоченный Гнатюк. Попрошу предъявить документы.

Старуха усмехнулась:

– Вряд ли они вас устроят. У меня паспорт СССР.

Полицейский обменялся взглядом с одним из светловолосых мужчин, одетым в «гражданку» – вытертые джинсы и легкую куртку.

– Кто еще дома есть? – спросил он, испытываясь сверля старуху темными глазами-буравчиками.

– Мой сын. Что произошло?

Участковый опустил мясистую ладонь на потускневшую от времени дверную ручку:

– Пустите нас внутрь. Надо поговорить.

Он уже намеревался пройти, но старуха неожиданно потянула дверь на себя, зажав его ботинок.

– А ну, не балуй! Открой немедленно! – рассердился капитан. Ему удалось высвободить ногу, и дверь с грохотом закрылась.

– Я ничего не нарушила. И не обязана пускать вас внутрь, – спокойно отозвалась изнутри пожилая женщина. Одутловатая физиономия полицейского стала пунцовой от ярости.

– О...шая сука, – процедил он.

– Я все слышу, – хихикнула старуха. – Не к лицу стражам порядка сквернословить.

– Послушайте, мы ищем сбежавшего преступника, – заговорил блондин, решив взять инициативу в свои руки. У него был уверенный, хорошо поставленный голос. – Моя фамилия Киреев, я старший оперуполномоченный областного управления ФСИН. Мы бы не стали вас беспокоить, если бы это не было так серьезно.

– Здесь нет никого, – помолчав, ответила пожилая женщина. – Вы первые, кого я вижу за десять лет в этих местах.

Блондин глубоко вздохнул.

– Может, его и правда тут нет? Полуостров большой, – подал голос третий мужчина, облаченный в трехцветный лесной камуфляж. На его плече висел укороченный «калаш». – Здесь много мест, где можно скрыться.

– Он бежал в этом направлении, – возразил блондин. Затем подергал ручку:

– Если вы не откроете, мы ломаем дверь.

– Откуда я знаю, что вы сотрудники полиции и как там его... ФСИН? Может, вы сами бандиты?

– Вы можете позвонить в наше управление, и мою личность подтвердят, – скрипя зубами, предложил опер. Было видно, что он сдерживает себя из последних сил.

– У меня нет телефона, – ответила старуха, и по произнесенному тону чувствовалось, что она чуть ли не гордится этим фактом.

Капитан выразительно посмотрел на коллег, после чего театрально закатил глаза и pokrutil у виска толстым, как разваренная сосиска, пальцем.

– Кажется, я знаю это чучело, – сказал он. Полицейский наморщил лоб, будто вспоминая что-то. – Она одна отказалась от переселения. И уже давно сбрендил. Кажись, с ее семьей что-то случилось.

– Сергей, ломай, – коротко приказал блондин, которому явно надоела эта канитель.

Мужчина в камуфляже передал ему автомат и с силой навалился на дверь. Раздался жалобный треск, посыпалась труха. Он ударил снова, громко хрустнула выдираемая рама, и дверь буквально вырвало из петель, как гнилой зуб.

Камуфляжник отряхнул ладони, очумело озираясь по сторонам.

– Ну и дыра, – фыркнул он, потянув носом.

Старуха молча смотрела на мужчин, в глубоко запавших глазах затаилась ненависть.

– Не могла по-хорошему, да? – ухмыльнулся участковый. – Решила права покачать?

– Вы напугаете моего сына, – сквозь зубы проговорила она. – Вот мой паспорт.

С этими словами нищенка протянула донельзя истрепавшуюся книжицу блондину, но тот даже не взглянул на документы. Приблизившись к старухе вплотную, он спросил, прожигая ее ледяным взглядом:

– Он у тебя? Говори быстро. Соврешь – сядешь. Причем надолго, я об этом позабочусь.

– Вы думаете, меня испугает тюрьма? Посмотрите, в каких «хоромах» я живу. У вас меня хоть кормить будут бесплатно.

– Не ерничай, – обозлился опер. – Отвечай!

– Здесь только я и мой сын, – отчеканила она. – Я уже говорила.

Опер протянул руку и больно стиснул пальцами ее высохший подбородок. На глазах старухи выступили слезы, но лицо ее продолжало оставаться ровным и даже безмятежным.

– Я чувствую кровь, старая кляча, – тихо промолвил он. – Что у тебя с носом?

– Упала, – спокойно ответила старуха.

– Как столб, прямо рожей об пол? – не поверил блондин. – Когда человек падает, он выставляет вперед руки.

– Я несла дрова. Батареи у меня нет, приходится топить печку по старинке, – мягко объяснила старая женщина.

– Что ты здесь делаешь?

Она взглянула на него как на непроходимого тупицу.

– Живу.

– В этом хлеву? Я слышал, по государственной программе Деминск расселяли в соседние области. Тебе должны были предоставить нормальное жилье. Чего ты здесь торчишь?! Вообразила себя Робинзоном Крузо?!

Старуха пожала плечами.

– Я выросла тут. И я не предам землю, на которой прожила всю жизнь я и мои предки.

Блондин холодно улыбнулся.

– Зато здешняя земля предала тебя, – сказал он, отпуская ее подбородок. Понюхал пальцы, сморщившись, затем вытер ладонь об джинсы. – Ты уже не похожа на человека. Так, нечто среднее между животным и дерьмом.

– Зато вы очень похожи на людей, – печально произнесла она. – Настоящие «мужчины».

– Борисыч! – позвал полицейский, и блондин двинулся в соседнюю комнату. Помедлив, старуха заковыляла следом.

Камуфляжник стоял перед Романом, он разглядывал тощего инвалида с такой брезгливостью, словно перед ним был не человек, а размазанные колесом ошметки жабы, к которым уже торопливо слетались зеленые мухи.

– Ау, парень? – сказал он, помахав жесткой ладонью перед застывшим лицом инвалида. – Ты что, тук-тук?

– Оставьте его, – попросила старуха. – Он вас боится.

Капитан, скривившись, шагнул вперед:

– Бля, ну и вонь тут... Слышь, але, гараж!

Роман закрыл лицо руками, сгорбившись.

– Он болен, – снова подала голос женщина. – Прошу ва...

– Закройся! – рявкнул полицейский. Он ткнул толстым пальцем в плечо инвалида. – Ты умеешь разговаривать? Отвечай!

– Ма... ма, – всхлипнул Роман.

Блондин задумчиво провел подошвой кроссовки по еще влажному пятну посреди комнаты. Там, где несколько минут назад старуха старательно замывала кровь.

– Не старовата ли ты для матери, а? Этому парню лет двадцать пять, а ты вся мхом покрылась, – сказал он. Старуха ничего не ответила, и он вкрадчиво спросил:

– Знаешь, кого мы ищем, а? Конечно, не знаешь. Телевизора здесь нет, газеты сюда не носят, про Интернет вообще молчу. Этого урода зовут Труднов Илья. Илюшенька, мать его. Большой выродок. Насиловал в Хабаровске старух, отрубал им конечности, вытаскивал кишки, а вместо них набивал животы тряпьем, после чего зашивал. На чердаке его дома нашли шесть трупов. Эту мразь везли на очередную экспертизу, но его отбили по дороге. При побеге один конвоир был убит, второй тяжело ранен, не знаем, выкарабкается ли. У первого остались маленькие дети.

На лице старухи не дрогнул ни один мускул.

– Что, не впечатлило? – прищурился опер. – Наверное, живя среди дерьма и крыс, тебя уже трудно чем-то удивить?

Краем глаза пожилая женщина увидела, как камуфляжник направился в комнату с подвалом, и ее искривленные артритом пальцы крепко сжались.

– Ладно, Борисыч, – закричал капитан. Сняв фуражку, он вытер несвежим платком вспотевшую лысину. – Не хрена тут ловить. Еще чесотку подцепим или триппер какой-нибудь. Кстати...

Он приблизился к старухе.

– Я тебя помню. У тебя ведь семья куда-то исчезла. А?

– Это было давно, – бесцветным голосом ответила она.

– А это кто в коляске? Так что, нашелся сынок?

– Выходит, нашелся, – кивнула старуха, шмыгнув распухшим носом.

В комнату заглянул камуфляжник:

– Борисыч, там погреб есть.

Блондин и участковый обменялись многозначительными взглядами.

– Иди, показывай, что у тебя за яма, – сказал опер, грубо толкая старуху. Она молча зашаркала вперед, припадая на вывихнутую ногу.

– Только воняет там просто писец, – добавил камуфляжник.

Полицейский присел на корточки перед распахнутым подвалом, осторожно приняхался.

– Вы че, ссыте туда? – недоверчиво поинтересовался он, скорчив гримасу отвращения.

– Ага. И срем тоже, – с серьезным видом ответила старуха. – Кстати, мне как раз нужно облегчиться... Вы не возражаете?

Она прошла мимо камуфляжника и задрала замызганную юбку.

Полицейский потрясенно мигнул, словно не веря своим глазам.

– Шизанутая, – плюнул он.

– Ну? Будете смотреть?! – неожиданно визгливо выкрикнула старуха, присаживаясь на корточки.

Не говоря ни слова, мужчины вышли из комнаты.

Блондин с демонстративным злорадством прошелся по выломанной двери, оставляя на расползшемся дерматионе пыльные следы, и у самого выхода резко обернулся.

– Если я узнаю, что ты помогла ублюдку, я вернусь, старая кляча! – крикнул он. – И поверь, ты будешь умолять меня пристрелить тебя.

Выйдя из подъезда, они направились к забрызганному грязью полицейскому «УАЗу».

– Гнилое это место, – вдруг нарушил молчание полицейский. – Я прямо шкурой чувствовал, что какая-то херня в местном воздухе. Отравлено тут все.

– Но тем не менее эта дырявая калоша как-то существует здесь. Да еще с этим слюнявым паралитиком, – сказал блондин.

– Куда двинем? – полюбопытствовал камуфляжник, заводя двигатель.

– Куда-куда... Е...ть верблюда, – хмуро огрызнулся опер. – Возвращаемся в управление. Я свою смену отпахал, пускай другие ишачат.

* * *

Она спустилась к выходу и долго прислушивалась, но, кроме заунывного воя ветра, до ее старческих ушей ничего не доносилось. Вздохнув, старуха медленно двинулась обратно.

Некоторое время она с грустью смотрела на сиротливо валяющуюся дверь, испачканную мужской обувью. Ей было до слез жаль эту несчастную, разбитую дверь, которая служила ей много лет, защищая от сквозняка и крыс...

– Гореть вам в аду, – покачала она головой. Лишь с третьей попытки ей удалось поднять ее, кое-как прислонив к развороченному косяку.

«От крыс это не спасет – мрачно подумала она. – И от ветра тоже».

Но сейчас была проблема поважнее крыс и погодных сюрпризов.

Этот сбежавший зэк, сидящий внизу, должен помочь ей. И она расшибется в лепешку, чтобы добиться своего.

– Рома! – ласково позвала она.

Инвалид медленно убрал костлявые руки от лица, перемазанного влажно-блестящей мешаниной из слез и соплей.

– Положись на меня, – сказала старуха, беря в руку ржавый обрезок арматуры.

Скрипя зубами от боли, яростно грызущей ногу, она вернулась к подвалу. Склонилась над воняющей черной ямой:

– Вылезай. Они уехали.

«Да. Но они могут вернуться, – внезапно шепнул ей внутренний голос. – И тогда все полетит к чертям».

Плевать.

Времени почти не остается, так что придется рискнуть.

Меньше чем через минуту на поверхности показалась всклокоченная, залитая кровью голова мужчины.

– Привет, Илюша-твою-мать, – нараспев проговорила старуха. Она с надсадным скрипом провела арматуриной по растрескавшемуся полу. – Тут много чего интересного о тебе говорили. Небось сам слышал?

– Слышал, – проворчал Илья, выкарабкиваясь из подвала. От него разило нечистотами, и он брезгливо оглядел себя с ног до головы. Затем исподобья посмотрел на усмехающуюся женщину, которая лениво перекладывала стальной прут из руки в руку.

– Даже не пытайся распускать руки, мальчик. Тронешь меня хоть пальцем, я охреначу тебя этой штуковиной повторно. Может, на этот раз вправлю твои мозги.

– Тебе смешно? – заорал беглый зэк. – Ты чуть не пробила мне башку, ведьма! А потом облила меня ссанием! Знаешь, что за это делают на зоне?!!

Ухмылка нищенки стала еще шире. Надрез на печеном яблоке увеличивался, грозясь разрезать сгнивший фрукт пополам.

– А ты сломал мне нос, – парировала она хладнокровно. – Из-за тебя, некультурного мудака, я вывихнула ногу и еле хожу. По твоей милости эти обезьяны в погонах сломали мне дверь. Они до смерти напугали моего сына и угрожали меня убить. А все потому, что я не выдала тебя. Может, так до тебя дойдет?

Илья молчал, гневно раздувая ноздри. Казалось, вот-вот, и он снова ударит разглагольствующую старуху.

– Ты что, и правда собиралась гадить вниз? – наконец спросил он. – Тогда, при шакалах?

Она сделала костлявой рукой жест в воздухе.

– Роль нужно было играть до конца. Подумаешь, одной порцией дерьма больше, одной меньше... Ты все равно был испачкан. Или для тебя важнее сдохнуть, но при этом остаться чистеньким?

– Ты спятила.

– Наверное. Кстати, меня зовут Наталья, – представилась старуха, и на этот раз ее тон был примирительным. – И я не такая уж старая. В этом году мне исполнится пятьдесят четыре года.

Илья с недоверием уставился на свою новую знакомую:

– Не обижайся, но ты выглядишь на сто пятьдесят четыре. А то и больше.

Наталья засмеялась дребезжащим смехом, и он непроизвольно подумал о гремящих костях в гробу.

– Поживи с мое, Ильюша, и я посмотрю, каким станешь ты.

Труднов с раздражением отметил, что его имя она произносила кривляясь, нарочито выделяя смягченную мягким знаком букву «ю».

Он поднялся на ноги.

– Зачем ты меня спрятала?

– Ты удивлен? Наверное, пока сидел в тюрьме, и думать забыл о таких вещах, как сочувствие? Жалость? Сострадание?

Илья злобно улыбнулся:

– С точки зрения закона, ты преступница. Я читал Уголовный кодекс.

– Не вся наша жизнь укладывается в рамки законов, – философски изрекла Наталья.

– Наверное. Но...

Илья замялся, словно растерявшись.

– Что «но»?

– Ты... ты ведь слышала. Ну, в чем меня обвиняют.

Слова падали, словно капли раскаленного олова, оставляя за собой дымящиеся струйки пара.

Наталья сощурилась.

– А ты правда насиловал этих несчастных старушек, а потом расчленял их? – вполголоса поинтересовалась она.

Труднов отвел взор, уголки его рта безвольно опустились.

– Так говорят, – с усилием проговорил он.

– Что говорят?

Темные глаза уголовника на мгновение вспыхнули уже знакомым Наталье блеском. Нехорошим блеском. Так хищно блестят зазубренные острия «розочки», которая через секунду готова погрузиться в горло обидчика.

– Я не хочу обсуждать это сейчас, – отрезал он, и старуха решила отстать с расспросами.

– Ладно. Я дам тебе кое-какую одежду. У меня кое-что осталось из неприкосновенного запаса... – промолвила она. – Снимай свое рваньё. Не бойся, я его сожгу. А заодно посмотрю твою рану. Ты лоб-то не лапай грязными руками! Не волнуйся, там просто царапина.

– Хрена себе, царапина, – проворчал Илья. – Хлещет, как из свиньи.

– Ты еще не видел, что такое настоящее кровотечение. К тому же раны на голове всегда сильно кровоточат.

– А если эти шакалы вернуться?

– Не вернуться. Тем более скоро стемнеет, – уверенно заявила Наталья. После небольшой паузы она прибавила уже серьезней:

– А если вернуться, нас убьют.

И хотя после побега Илья где-то на уровне подсознания готовился к подобному сценарию, от слов старухи его спину будто бы обожгло мертвым холодом.

Спустя сорок минут беглец сидел на деревянном ящике. Его рана была тщательно обработана и перевязана полосками из остатков относительно чистой простыни. На нем были выцветшие, но опрятные брюки и слегка мятая рубаша в мелкую клетку. На голове красовалась серая кепка с истрепанным козырьком.

– А говорила, что только вода есть.

– Я хранила эти вещи много лет. Они принадлежали моему мужу, – рассеянно сообщила Наталья. Она все чаще поглядывала в окно, сжимая и разжимая кулаки.

Смеркалось.

«Пора бы уже приступить к делу...» – озабоченно подумала старуха.

– Что с твоим мужем? – осведомился Илья.

– Умер, – коротко ответила она.

Он не стал уточнять подробности. Откровенно говоря, плевать он хотел на покойного супруга этой скукоженной замухрышки, как, собственно, на нее саму с этим хнычущим дурачком в коляске, с ног до головы усыпанным опилками. Но где-то глубоко внутри теплилось странное чувство, доселе ему незнакомое, нечто граничащее с благодарностью к этой оборванной нищенке.

Ведь несмотря ни на что, Наталья его спасла. *Действительно* спасла.

«Вот только зачем?!»

Илья фыркнул.

«Спасла и ладно», – про себя проговорил он.

Он не знает, что будет через пять минут, голова все еще раскалывалась от сосущей боли, ныло простреленное плечо, и замораживаться о причинах столь благородного поступка лысой нищенки попросту не было желания.

Кряхтя, он выпрямился, оглядываясь по сторонам:

– Как ты здесь живешь? Извини, но собаки на помойке и то лучше себя чувствуют.

– Значит, такова моя судьба, – сухо отозвалась старуха. Она была занята тем, что аккуратно заворачивала в обрывок полотенца последние остатки еды – сушеную рыбу и лепешку. – Так и живу. На зиму заготавливаю дрова. Печка работает исправно. Все щели затыкаю тряпками. Повешу новый полиэтилен на окна. За спичками и мукой хожу в поселок. Жаль, дверь сломали, но как-нибудь справлюсь.

– А продукты? А чистая вода? Ведь от такой жарчки ноги в ласты склеишь, – возразил Илья, указав на пыльную банку с сушеными ягодами.

– Так не всегда было. Когда мои ноги были здоровы, я ставила силки на птиц, ходила на море рыбачить. В лесу можно было найти яблоки, орехи с грибами... Воду я беру из родника, он не замерзает даже зимой.

Она положила сверток с нехитрой снедью на край замусоленного стола:

– Это тебе.

Илья повернул голову, нахмурившись:

– Я не очень понимаю, чем заслужил такое гостеприимство.

Он медленно зашагал по комнате, внимательно разглядывая уныло-нищенский интерьер помещений.

– Наша встреча не случайна, – глухо произнесла Наталья, но Труднов ничего не ответил. Он вновь остановился возле фотографии с девочкой, прилепленной к стенке. Наклонился вплотную, так, что кончик его носа буквально касался исцарапанной поверхности карточки.

Заметив, как он разглядывает фотографию, Наталья плотно сжала губы, прижав руки к обвислой груди.

– Кто эта девчонка? – негромко поинтересовался Илья. – Твоя дочь?

– Да.

Он не видел, как заблестели от влаги глаза старухи.

– Что с ней? Где она сейчас? – настойчиво произнес он.

Ответом было угрюмое безмолвие, и Илья развернулся лицом к пожилой женщине.

– Почему ты молчишь? Она мертва?

– Можно сказать, что да.

Беглый зэк обхватил виски руками, устало прикрыв веки.

– Тебе плохо? – без особого сочувствия спросила Наталья.

– Я не знаю. Я не могу понять, что со мной.

Открыв глаза, Илья неожиданно сказал:

– Стоп. Только ничего не говори. Но... Мне кажется, что я знал ее. Как ее звали?

– Аяна.

– Аяна, – прошептал Илья, покачнувшись. Его обветренные губы беззвучно зашевелились, будто он вновь и вновь повторял редкое имя, как если бы пробовал его на вкус.

Сделав еще пару шагов, он с удивлением воззрился на крошечный домик из розового пластика, притулившийся в углу настенной полки. Он осторожно взял его в руки и, приподняв съемную крышу, с изумлением рассматривал домашнюю утварь – миниатюрную кровать, коврик, шкафчик, комод с блеснувшим кружком зеркала...

– Это что?

– Положи на место, – холодно потребовала Наталья, и что-то прозвучавшее в ее голосе заставило Труднова безропотно подчиниться. Он убрал игрушку на место и с безразличным видом сунул руки в карманы.

– Давай лучше поговорим о тебе, – смягчила тон старуха. – Что ты собираешься делать?

– Тебе так важно это знать? Какое тебе дело до меня, баба Наташа?

Она пожала плечами, и в воздухе повисла тягостная тишина.

Илья невидяще смотрел в заклеенное полиэтиленовой пленкой окно, мысли тяжело и неуклюже ворочались в уставшем мозгу, будто куски льда при стремительном половодье.

– Я ведь неспроста тебя об этом спросила, – прервала молчание Наталья. – А знаешь почему? Да, ты резкий и жестокий. Да, ты подонок, потому что поднял руку на нищую старуху – это я о себе. Ты груб, как зверь. Но я не верю, что ты сумасшедший и больной зверь. Я не верю, что ты насиловал тех несчастных женщин и глумился над их мертвыми телами.

– И что с того? Для всех я маньяк и убийца. Мне от твоих слов ни тепло ни холодно, – сказал Илья, и голос словно треснул, как лобовое стекло от попавшего камушка. – От твоего мнения что-то изменится?

– Может быть, – тихо произнесла она. – Может быть, Илья.

«Она впервые назвала меня Ильей, а не этим идиотским «Ильюша», – пронеслась у беглеца мысль.

– Ладно. Все равно это ничего не меняет, – подытожил он. – Знаешь что? Мне чихать, поверишь ли ты мне или нет, но...

Труднов прокашлялся, словно подбирая нужные слова.

– Сколько сейчас времени? У тебя есть часы? – внезапно задал он вопрос, и Наталья полезла в засаленный карман.

– Половина восьмого. Куда-то спешишь?

На небритом лице зэка заиграла кривая улыбка:

– Видишь ли, я не знаю того человека, который устроил перестрелку на дороге. Кто он? Его смертельно ранили, но он успел мне сообщить, что в девять вечера у моря будет ждать лодка. Там, где остатки причала. Как далеко до причала? Я знаю, что море неподалеку.

– Выйдешь наружу, все время держись правее. Выйдешь на дорогу, она тут одна. Перейдешь трассу, увидишь тропу на холм. Оттуда до причала десять минут пешком. На все уйдет максимум полчаса, – ответила Наталья, стараясь скрыть охватившее ее волнение.

Илья поднял голову, и она была поражена, увидев смятение в его глазах.

«Нет, – поправила она себя. – Это не смятение. Это страх».

– Я не знаю, кто меня там будет ждать, – сказал он глухо. – Я не знаю, кто мои родители и где живут. Я понятия не имею, *кто я такой*.

Глубоко вздохнув, он добавил еще тише:

– И я не знаю, как так получилось... Как получилось, что меня обвинили во всем этом беспределе, из-за которого я оказался за решеткой. Потому что я ничего не помню. Ты веришь мне?

Старуха долго молчала, затем со вздохом ответила:

– Это не имеет никакого значения.

– Знаешь, я часто вижу сны, – произнес Труднов. – И в этом сне я все время оказываюсь в холодном озере... Я захлебываюсь и камнем иду на дно. А потом меня кто-то спасает...

– Ты тонул в детстве?

Илья неуверенно пожал плечами:

– Я не помню. Наверное.

Из комнаты, где находился Роман, раздался шорох, и вслед за ним невнятное бормотание.

– Я проверю Рому, – словно извиняясь, сказала она Илье и, ковыляя, засеменила из кухни.

Пока ее не было, Труднов, как загипнотизированный, буравил взглядом фотографию на стене.

Аяна...

Неужели они где-то встречались?

Спустя пару минут Наталья вернулась.

– Он уснул, – известила она Илью, без сил опускаясь на разваливающийся стул. Усаживаясь, пожилая женщина задела больную ногу и охнула.

– Так хреново? – спросил Труднов. – Извини. Ты сама нарвалась.

– Справимся, – процедила Наталья.

«Ни черта ты не справишься», – уныло подумала старуха, и ее охватил страх. Пора действовать, а не жевать сопли.

– Без денег и связей ты пропадешь, – начала она, стараясь говорить спокойно. – И тебе нужен врач. Мои тряпки помогут лишь на короткое время. Поэтому иди к морю и жди свою лодку. Другого выхода у тебя нет. Возможно, тебя там будет ждать друг.

– Вполне вероятно. А может, и шакалы, – мрачно заметил Илья.

– Может, и шакалы, – согласилась старуха. – Давай так, сынок. У тебя что, есть другие варианты? Рано или поздно тебя найдут. Деминск давно умер, в радиусе десяти километров тут ничего нет. В городе нет ни электричества, ни связи, ни водоснабжения. Тут только птицы, крысы и бродячие псы. Кстати, остерегайся их.

Илья снова обхватил голову руками. Искоса взглянул на золотоволосую девочку на фото, и в какой-то безумный миг Труднову почудилось, что она ему подмигнула.

– Мне кажется... Мне кажется, я был здесь, – растерянно проговорил он, стараясь больше не смотреть на фото. – Как такое возможно?

Старуха пожала плечами. Она принесла два свечных огарка и зажгла их. В комнате стало немного светлее.

– Я тоже ловлю себя на мысли, что твое лицо мне знакомо. Вот только голос... – сказала она задумчиво. – Ты шипишь. Вот если бы я слышала твой настоящий голос...

– Меня ударили заточенной ложкой, пока я был в СИЗО, – нехотя произнес Илья. Он внимательно посмотрел на замершую старуху:

– Говори. У тебя такой вид, что ты все собираешься что-то сказать, но каждый раз передумываешь.

Черты лица Натальи, взрыхленные глубокими морщинами, внезапно разгладились. Она будто ждала, что Илья сам начнет этот разговор, избавив ее от долгой прелюдии.

– Я хочу предложить тебе маленькую работу, Илья, – тихо промолвила она. – И она будет хорошо оплачена.

Труднов скептически поджал губы.

– Поставить тебе дверь? Или нанести дров, баба Наташа? В общем-то я обязан тебе, так что давай, валяй. Только в пределах разумного, у меня очень мало времени.

– Ты должен пообещать, что поможешь мне, – не сводя пристального взора с глаз Ильи, настаивала старуха.

Тот рассмеялся:

– Веселая ты бабулька, как я погляжу!

Наталья даже не улыбнулась.

– Ты не ответил. Это не займет много времени. Тебе просто нужно будет отнести одну вещь кое-куда.

– Что за вещь? И куда?

Кряхтя от напряжения и ноющей боли в ноге, она поднялась со стула.

– Похоже, мне скоро придется ползать, – вымученно улыбнулась старуха. Подволакивая распухшую ногу, она куда-то вышла и спустя несколько минут вернулась, неся в руках клетку для птиц. Она была помятой, изъеденной ржавчиной, набитой внутри обрывками пожелтевших газет.

– Тебе нужно отнести это на маяк. Точнее, на самый верх того, что от него осталось. Купола, где была лампа, давно нет, но есть маячное помещение. Просто вытащи то, что внутри клетки, положи это на пол, и все.

Наталья осторожно поставила клетку перед Ильей.

– Это не займет много времени. Иди прямо сейчас. Потом вернешься к причалу, ты успеешь к девяти часам.

Илья с изумлением уставился на ржавую, неказистую клетку, набитую рваными газетами.

– Что это за хрень? – изумленно спросил он.

– Мой талисман. Впрочем, это неважно.

Он встал на ноги, направив указательный палец в старуху, будто ствол пистолета:

– Важно, баба Наташа. Я должен знать, на что подписываюсь. Что за талисман, едрить меня колотить? Вдруг там бомба?

Лицо Натальи исказилось в муке.

– Боже правый... О чем ты, дурачок? Возьми ее в руки, она легче перышка!

Продолжая подозрительно изучать клетку, Илья взвесил ее. Она действительно была легкой. Казалось, кроме газет, внутри вообще ничего не было.

– Там что, только бумага?

– Считай, что это память о моей семье.

Илья поднес клетку к лицу, с опаской приняхавшись. До ноздрей донесся запах пыли и едва различимый аромат чайных листьев.

– Ничего не понимаю, – медленно произнес он, опуская клетку на пол. Внезапно его осенило. – Там внутри... прах?

Вместо ответа старуха опустила руку в карман толстовки, вынув наружу массивный перстень с крупным рубином. Блеснуло прохладным золотом, отблески свечей заиграли на благородном металле крохотными огоньками.

– Это тебе, – сказала она, протягивая перстень Труднову. – Все, что у меня осталось. Семейная реликвия, можно сказать. Мне он перешел от моей бабки. Уверена, что за него можно выручить хорошие деньги. Отнеси клетку на маяк и хорошо заработаешь.

Илья молча взял в руки драгоценное кольцо. Повертел его, придирчиво осматривая с каждой стороны, словно выискивая изъяны. Убедившись, что это не подделка, он задал вопрос:

– Значит, я должен поднять эту клетку на самый верх маяка, и все?

– Да. Не забудь, что из клетки нужно кое-что достать. Это... гм, это небольшой предмет из папье-маше, он внутри газет. Будь очень аккуратен.

Илья с трудом удержался от истеричного смеха.

– Ты точно сумасшедшая.

Старуха осторожно коснулась пальцами разбитого носа:

– Считай это моей старческой причудой. Я верю в даты и приметы. И мой талисман должен быть в определенное время в нужном месте. Я удовлетворила твое любопытство?

Вытащив из кармана часы, она поднесла их к свечке, внимательно вглядываясь в циферблат:

– Тебе пора. Вообще-то есть время до рассвета, но ты ведь спешишь...

Илья спрятал перстень в карман брюк, взял сверток со снедью и поднял клетку.

– Ну, пока.

– Извини, что не провожаю, – попыталась улыбнуться пожилая женщина. – Нога. Я бы...

– Угу, можешь не продолжать, – перебил ее Труднов. – Если бы не больная нога, ты бы сама влезла на этот гребаный маяк, это ты хотела мне сказать? Ну да. А тебе не приходило в голову, что я выкину твой талисман, как только выйду из подъезда?

Наталья замерла.

– Ты не сделаешь этого, – оторопело проговорила она.

– Откуда тебе знать? Может, и не сделаю. А может, и сделаю. Ты все равно не проверишь, так ведь? И, скорее всего, ничего не изменится.

Старуха молчала, горестно сцепив перед собой скрюченные пальцы. У нее был такой вид, словно ее предал самый близкий человек.

– Ладно. Я все сделаю, – сжалился Илья. – Так и быть. Будь здорова, баба Наташа. Не кашляй.

– И тебе не хворать, – машинально откликнулась она. – Я верю в тебя.

Он уже дошел до прихожей, как из комнаты донесся ее старческий голос:

– Сегодня будет сильный туман. Постарайся успеть до того, как он тебя накроет на маяке.

– Спасибо за заботу, – буркнул Илья.

Отодвинув тяжелую дверь в сторону, он несколько секунд, затаив дыхание, прислушивался. По ногам прошелестел колкий сквозняк. Зброшенный дом, в котором все еще теплилась чахлая жизнь матери и сына, медленно погружался в тяжелый сон.

Илья неслышно выскользнул из подъезда и вскоре скрылся из виду.

– Ничего не изменится, – хрипло повторила Наталья слова беглого зэка. – Говоришь, для меня ничего не изменится, если ты не сдержишь слово? Может, оно и так. Но возможно, изменится, и очень многое.

Она посмотрела в окно, за которым стремительно сгущались сумерки.

– *Очень* многое.

* * *

Отойдя метров на пятьдесят, Илья обернулся. Обветшалая трехэтажка сонно паялилась на него мертвыми окнами-глазницами.

– Всего хорошего, – сказал он и быстрым шагом направился по разбитой дорожке. Бетонная плитка со временем покрылась паутиной трещин, сквозь которые топорщились пучки выгоревшей травы.

Внезапно беглый зэк почувствовал необычайный прилив сил и энергии, он ощущал себя мобильником после полноценной зарядки. При этом Илья абсолютно справедливо отдавал себе отчет, что поводов для этого оптимизма маловато. И тем не менее...

«Меня сейчас встретят... и увезут в надежное место... – думал он, торопливо перебирая ногами. – Не будет же абы кто рисковать ради меня жизнью?! Нет!»

Он шел, продолжая себя мысленно подбадривать.

Слева мелькнула детская площадка, и он машинально замедлил шаг. Разваленная горка, покореженные качели, с верхней перекладины которых свисали обрывки ржавых цепей, почему-то напомнили ему виселицу. В песочнице лежал разлагающийся труп кошки, в клочьях шерсти суетливо копошились черви.

«Деминск умер, – повторил про себя Илья слова старухи, быстро шагая вперед. – Умер, умер, умер».

– Умер, – произнес он вслух, словно наслаждаясь этим жутковатым словом. – А почему он умер?

Задрав голову в темнеющее небо, Труднов ответил:

– Да хрен его знает.

Он обогнул покосившийся киоск с выбитыми стеклами и вышел на трассу. Присвистнул, увидел закопченный кузов «шестерки» без колес и вышел на проселочную дорогу, которая вела на холм.

Через пару минут показалось море. Ветер здесь был куда яростнее и злее.

– Не плачь, потому что это закончилось, – вдруг произнес он, наморщив лоб.

Почему он вспомнил эту фразу? Кому она принадлежала?

«И, судя по всему, должно быть продолжение», – с досадой подумал Труднов, тщетно пытаясь вспомнить концовку изречения.

Клетку в руке раскачивало, как свихнувшийся маятник, и Илья с удивлением уставился на нее, словно видя впервые в жизни и пытаясь сообразить, как она вообще оказалась у него.

– Зачем тебе все это, бедная старуха? – пробормотал он, разглядывая скомканные клочки газет.

Клетка равномерно покачивалась, храня молчание.

«Это память... моей семьи».

«Талисман».

Илья неожиданно открыл для себя, что не двинется с места, пока не узнает, что там, внутри. Старуха что-то говорила про папье-маше. Он слабо себе представлял, что это такое, и мозг осторожно подсказывал мужчине, что, вероятно, это что-то связанное с игрушками из бумаги...

Труднов облизнул губы.

Невероятно, но в эту минуту он забыл обо всем – о том, что ранен, о том, что за ним ведется самая настоящая охота, о том, что он многое не помнил из своего прошлого, о том, что он совершенно не знает, кто и зачем его будет ждать у причала...

Чертова клетка.

Точнее, то, что внутри.

Вот что его интересовало.

Потому что ни один здравомыслящий человек не даст золотой перстень за то, чтобы отнести на маяк эту дурацкую хрень, набитую пожелтевшими газетами...

Он присел на корточки и, открыв дверцу, принялся вытаскивать наружу бумажные комья. Некоторые из них тут же унес ветер, и Илья, выругавшись, прижал коленом к земле оставшиеся клочки. Вскоре его пальцы нащупали что-то прохладно-округлое, и он вытащил странный предмет наружу.

– Че за фигня? – недоверчиво произнес он, разглядывая легкий, почти невесомый шар темно-синего цвета. Он был слегка зернистым на ощупь, как мелкий наждак, и размером едва превышал апельсин.

Илья легонько потряс бумажный шар. Внутри что-то тихо прошуршало.

Он понюхал его.

Все тот же запах чайных листьев, только на этот раз более отчетливый.

– Ерунда какая-то, – буркнул беглец.

Илье стоило громадных усилий не раскрошить этот синий шарик пальцами, чтобы увидеть его содержимое, и лишь какая-то неизъяснимая внутренняя сила в последнюю секунду остановила его.

«Я верю в тебя».

Он вздрогнул, вспомнив слова оборванной нищенки.

Илья поднялся на ноги. Сунул шар обратно в клетку, затем запихнул туда остатки газет, зафиксировав таким образом «талисман» старухи в неподвижном состоянии.

После этого он продолжил путь и вскоре вышел к берегу. Миновал остатки ремонтного причала, равнодушно глядя на проржавевшие до черноты сваи, которые торчали из воды гнилыми клыками. Где-то вдали бесновались чайки, визгливо-раздраженно перекрикивая друг друга.

– Сейчас, – прошептал он. – Я скоро вернусь сюда. Только заброшу эту х. вину на маяк. Свои слова надо уметь держать.

Илья прищурился, замедлив шаг.

Несмотря на темнеющее небо, он видел, как впереди исполинской свечой высилась старая маячная вышка.

– Между небом и землей... Член летит, совсем нагой, – пробормотал он. – Крайней плотью он прикрылся.

Илья кашлянул.

– Это чтоб не простудился.

Обернулся, глядя на унылые обломки свай. А что, если лодка придет сейчас? Будет ли она ждать?!

«Ты обещал», – прошелестел внутренний голос, и его передернуло.

Да.

Наталья дала за работу золотой перстень, который стоит явно не три рубля. Другой вопрос, сможет ли он его продать, но сейчас Илью это не заботило. Достаточно того, что перед его глазами до сих пор маячило горестное лицо несчастной старухи, которая ему доверилась.

«Ты груб... ты зверь... но ты не больной зверь».

Он глубоко вздохнул и пошел дальше.

«Положу этот шарик на самый верх – и сразу обратно», – решил беглый зэк.

Под подошвами ботинок хрустела сухая галька, небо продолжало темнеть. До маяка оставалось не более двухсот метров, как неожиданно откуда-то слева метнулись блеклые тени, и перед замершим мужчиной оказалось четыре собаки. Тощие бока подрагивали, верхние губы животных были задраны, в сверкающих глазах плескалась слепая злоба.

– Пошли на хер! – приказал Илья нарочито громко. Он сделал вид, что собирается что-то бросить в собак, но те продолжали рычать, медленно двигаясь на него.

Илья наклонился, взяв в руки крупный голыш.

– Что, не страшно?! – заорал он, швырнув его в ближайшую псину. Камень попал в переднюю лапу собаки, и она взвизгнула, попятившись назад. Остальные дворняги зашлись в оглушительном лае, и теперь уже Илья начал медленно отступать назад.

– Офигенный конец – сдохнуть в зубах помоечных псов, – пробурчал он. Взглянул на клетку, покачивающуюся в руке, и лицо его приняло жесткое выражение.

На хрен.

НА ХРЕН.

Он был полным идиотом, согласившись на сделку с безумной старухой.

– В задницу, – тихо произнес Илья, ставя клетку на гальку. – Я пас.

Собаки, как по команде, умолкли. Хрипло дыша, они не сводили с мужчины глаз, в вечерне-стылой пелене напоминающих угольки, рассыпанные в кострище.

– Я уйду, – вслух объявил Труднов. – Слышите, гребаные тузики? Попробуете меня преследовать, вырву вам кишки.

Он продолжал осторожно пятиться назад, и собаки с неохотой умолкли, словно принимая условия человека.

Когда расстояние между ним и псами стало относительно безопасным, Илья повернулся и быстрым шагом зашагал к причалу.

«Дебил. Не нужно было вообще идти туда», – промелькнула у него мысль.

Собаки не пытались его преследовать, они просто стояли и смотрели ему вслед. Оказавшись у причала, Илья вновь обернулся, и его взору предстали бесформенные тени, едва различимые во тьме. Он моргнул, и собаки, будто получив негласную команду, неторопливо потрусили прочь.

Труднов сел напротив свай, высившихся из черной воды.

– Никто не придет за мной, – неожиданно проскрипел Илья. – Это... это все бред. Я останусь тут. С этими вонючими псами на берегу.

Его напугали собственные слова, и по спине беглеца будто стальным гребнем прошел могильный озноб.

Конечно.

Чушь собачья. Тот псих, перестрелявший конвой и сам схлопотавший пулю в живот, просто бредил.

Кому нужен Илья? Какая, на хрен, лодка в этой глуши?! Кроме вшивых собак и чаек, тут никого нет!!

Здесь все давно умерло. И никто за ним не придет.

Эта мысль повергла его в пучину бездонного отчаяния.

– Сколько сейчас времени? – прошептал он, вглядываясь в безбрежно-зыбкую поволоку моря. – Уже наверняка девять. Откуда тут лодка, е... вашу мать? Нет тут ничего. Нет. Нет, НЕТ, НЕТ!!!

Он провел пальцами по шершавым камням, холодным и безжизненным, как сама вечность, и оцепенело уставился на лениво плещущиеся волны.

«Этой ночью будет сильный туман», – вспомнил он слова Натальи.

– Откуда ты знаешь, баба Наташа? – спросил он полусонным голосом в вечернюю прохладу. Развернул обрывок полотенца, сунув в рот кусок лепешки. Он был колючим, сухим и жестким, больно царапал небо, но другой пищи не было, а есть, признаться, хотелось очень сильно.

Труднов рассеянно жевал, устало шурясь вперед – не моргнет ли в мглистой пелене огонек? Не раздастся ли шум мотора?

Илье начало казаться, что перстень в кармане брюк неожиданно начал теплеть, пока и вовсе не стал горячим, и он машинально двигал его, не вытаскивая наружу – вверх, вниз, влево, вправо, насколько позволял карман. Все равно чертово кольцо напоминало о себе, и Илья уже на полном серьезе начал подумывать о том, чтобы выбросить его в море, как в густой, как битум, темноте проклюнулся ярко-желтый огонек.

Илья вытер крошки с губ и, приподнявшись, пристально вглядывался в море, гадая, не померещилось ли ему.

Огонек приближался, и вскоре стал слышен ровный шум двигателя.

Он медленно выпрямился.

«Не обманули», – шевельнулась мысль, и сердце учащенно застучало. Еще никогда он не испытывал такого волнения.

Спустя минуту к берегу подплыл небольшой рыбацкий катер с закрытой кабиной.

* * *

Мужчина, управлявший катером, заглушил двигатель и, высунув голову через люк кабины, некоторое время молча разглядывал Илью.

– Ты кто?! – наконец прокричал он, и Труднов, чувствуя себя круглым идиотом, назвал себя. Хоть он и старался говорить громко, последствия ранения в горло давали о себе знать, из-за чего голос Ильи звучал как у простуженной вороны. Ему пришлось повторить свое имя с фамилией дважды, поскольку морской ветер, словно издеваясь, расшвыривал его слова в холодно-прозрачном воздухе, не давая им дойти до ушей водителя катера.

Беглого зэка так и подмывало кинуться в воду, влезть в этот новехонький суперкатер, который прибыл сюда словно из другой галактики, и чтобы тот мгновенно сорвался с места, унося его как можно дальше от этого уныло-тошнотворного одиночества. Но вместе с тем он осознавал, что и шагу не может сделать без разрешения. Сейчас у него прав столько же, сколько у той дохлой кошки на детской площадке, которую пожирали черви.

– Где Цапон? – вновь спросил водитель плавсредства. Голос его звучал холодно и насто-роженно, почти враждебно.

– Его убили, – сообщил Илья, догадавшись, кого тот имеет в виду. Конечно, тот самый парень, так внезапно выскочивший на дорогу и подорвавший автозак.

Он шагнул в море, ледяная волна тут же окатила ноги до самых колен. Вода была настолько пронизывающе-холодной, что у беглеца перехватило сердце, а яички сжались, превратившись в два свинцовых шарика.

Когда до катера осталось не более трех метров, в руке незнакомца неожиданно появился пистолет.

– Оставайся на месте, – приказал он, другой рукой прислонив к уху телефон.

Илья послушно замер, чувствуя, как вода уже почти дошла до пояса.

Лаконично переговорив с кем-то отрывистыми фразами, мужчина убрал пистолет и, спустив в воду короткий трап-лестенку, велел:

– Залазь.

Когда Илья поднялся на борт катера, незнакомец бросил, даже не глянув в его сторону:

– Ведем себя тихо. Никаких вопросов. Ясно?

Илья пожал плечами, стуча зубами от холода:

– Ясно.

Его так и подмывало спросить, куда же все-таки они направляются, но, взглянув на выглядывающий из кобуры пистолет, решил благоразумно промолчать.

Он уселся рядом с незнакомцем, который завел мотор. Мужчине на вид было лет тридцать пять, у него было грубое загорелое лицо, которое словно второпях вылепили из глины, после чего обожгли на углях, и густые черные волосы, тщательно зализанные назад. Труднов скользнул взглядом по его походной одежде песочного цвета. Высокие шнурованные ботинки, наглухо застегнутая куртка, жилет-разгрузка, из нагрудного кармана которого торчала антенна портативной рации.

«Шакалы?»

Эта мысль испуганно всколыхнулась в уставшем мозгу, словно неуклюжая рыба, взбаламучивая дно водоема илистой жижей.

Может быть.

Тогда, если его подозрения подтвердятся, он попросту бросится на этого хмурого мордоворота с рацией и перегрызет ему горло. Или кому другому. Во всяком случае, уж одного-то он точно заберет с собой.

К тому времени, когда катер причалил к чернеющему в воде пирсу, море, словно крышкой, накрыл смоляной купол ночи.

– Выходим, – все так же коротко распорядился здоровяк, накидывая швартовочный трос на кнехт.

Илья безропотно перешагнул на деревянный настил причала.

– Туда и налево, – пихнул его в спину незнакомец.

«Ведут, как на убой, – мысленно усмехнулся Труднов. – Ну-ну. Посмотрим».

– Мы на месте, – сообщил крепыш кому-то по рации, и они быстро зашагали к берегу.

– Вопрос можно? – осторожно поинтересовался Илья.

Мужчина недовольно покосился на него:

– Смотря какой.

– Где мы находимся?

Тот засопел, словно раздумывая, стоит ли откровенничать с этим едва держащимся на ногах изможденным доходягой.

– Полуостров Радужный, – неохотно обронил он.

– Радужный? – переспросил Илья, наморщив лоб. – Это... кажется, Хабаровский край?

«Песочный» снисходительно кивнул, словно имел дело с редкостным тугодумом, и снова ткнул его в спину, поторапливая.

Спустившись по лестнице, они по узкой тропе поднялись на небольшую возвышенность, и Илья на мгновение замер, расширенными глазами таращась на переливающиеся огни ночного города. Они искрились, вспыхивали и сверкали фантастическим калейдоскопом, словно светящиеся существа из параллельного мира.

«Хрена себе полуостров», – ошарашенно думал он, крутя по сторонам головой.

– Туда, – показал крупным пальцем здоровяк, и они направились к серебристой «Митсубиси Лансер».

«Значит, не шакалы», – с облегчением подумал Илья.

Вряд ли легавые стали бы его задерживать на такой тачке. Если, конечно, эти легавые не задумали чего-то такого, что прямо запрещает закон. Может, ему предложат какую-то сделку?

Ладно, что будет, то будет, он уже окончательно запутался. В голове был полнейший сумбур, который усугубляли изнуряющая усталость и тупая боль в простреленном плече.

В салоне автомобиля находился еще один мужчина, развалившийся на заднем сиденье. Из-за скудного освещения Илья успел заметить лишь худое скуластое лицо и стянутые в хвост темные волосы.

– Все в порядке? – мягко спросил он. И «песочный» утвердительно буркнул: «Да».

Илья тяжело плюхнулся на сиденье рядом с водителем, словно мокрая тряпка.

«Полуостров Радужный?» – подумал он, бросив прощальный взор на мглистую полосу моря.

С тихим урчанием иномарка тронулась с места.

* * *

Когда машина остановилась у высоченного забора, «Песочный» пихнул в бок Илью:

– Вылазь!

В его руке показался крошечный пульт управления, коротко моргнувший рубиновым глазком – пик! Тихо шипя, поднялись секционные ворота с автоматическим приводом, словно громадная пасть диковинного зверя.

Тот, что был на заднем сиденье, тоже вышел из иномарки.

– Я Борис, – произнес он все тем же спокойным и дружелюбным голосом. Яркий свет, льющийся из висившегося над ними фонаря, отбрасывал на бетонную дорожку его тень – странно изогнутую и сухопарую. Что-то было подкупающее во внешности мужчины, и Илья без промедления пожал протянутую руку. Пальцы Бориса были тонкие, но цепкие и жесткие.

– Илья, – представился беглый зэк.

– Идите сюда, – послышался раздраженный голос «песочного».

Ворота снова зашипели, и Илья торопливо шмыгнул внутрь участка. В нескольких метрах возвышался громадный трехэтажный особняк из крупного белоснежного кирпича, двухскатную крышу венчали причудливые башенки. В окнах на первом этаже горел свет. Идя по аккуратной дорожке, выложенной мраморной плиткой, Илья краем глаза подмечал все – и замысловатые ночные светильники, рассаженные по всему участку, источавшие голубоватое свечение и почему-то напominившие ему сказочных гномов, и изящное подвесное кресло-качели с пухлыми подушками на сиденье, и блеснувший перламутром край бассейна, который располагался за деревянным срубом и наверняка тоже был немалых размеров... А строение из бревен, скорее всего, было ничем иным, как баней...

И вместе с тем от всего этого великолепия и богатства сквозило неприкрытой тревогой, и Илья непроизвольно подумал о пещере громадного паука, терпеливо ожидающего свою очередную жертву.

«Здесь тебя и похоронят», – хихикнул внутренний голос, и Труднова окутали липкие шупальца паники.

Действительно, куда его привезли? Его, сбежавшего уголовника, обвиняемого в убийстве и расчленении шести пожилых женщин, едва ли не под дулом пистолета притащили в роскошный коттедж. Зачем?!

Неожиданно в голову Ильи закралась мысль, от которой у него едва не подкосились ноги – его привезли к родне одной из замученных старух. А может, и не одной. И все они желают мести, мечтая разорвать его на молекулы...

От неприятных раздумий его отвлек «песочный», чуть ли не силой втолкнув Илью в дом.

Стены огромного холла были до самого потолка увешаны пестрыми шкурами хищных зверей – от рыси до бурого медведя. Противоположная стена была украшена медальонами из состаренного дерева с головами-чучелами животных.

Посреди холла стоял крупный седовласый мужчина лет шестидесяти, облаченный в восточный халат, его руки были заложены за спину. При появлении Ильи его глаза слегка прищурились, и в следующее мгновение мясистое лицо расплылось в широкой улыбке:

– Ну, здравствуй!

Он шагнул вперед, заграбастав оробевшего Илью в свои медвежьи объятия.

– Ну, что молчишь? – спросил мужчина, продолжая улыбаться. – Не узнаешь своего крестного? Я Королев Петр Алексеевич. А ты мой крестник. Поди, забыл?!

Илья молча смотрел на хозяина особняка, судорожно раздумывая над ответом.

– Я... – хрипло начал он, но Королев его перебил:

– Мы с твоим отцом лучшие друзья были.

– Друзья? – глупо переспросил Илья, и Петр Алексеевич подтвердил:

– Именно. Жаль мужика.

Перехватив заторможенный взгляд беглеца, Королев сдвинул брови:

– Так ты что?.. В самом деле?

Он посмотрел на «песочного», который застыл с каменным выражением на лице, затем перевел взор на Бориса. Тот загадочно улыбнулся, и Петр Алексеевич кашлянул.

– Ладно. Я вижу, тебя слегка потрепали во время твоих приключений.

Не оборачиваясь, он крикнул:

– Лида!

Буквально через секунду со второго этажа бесшумно спустилась хрупкая девушка в темно-зеленой блузке и такого же цвета юбке. Она подошла к Королеву, выжидательно застыв на месте.

– Посмотри, что с парнем, – приказал он. – Обработай раны, обеспечь свежей одеждой. Когда все будет готово, проводишь в гостиную.

Как во сне, Илья направился вслед за девушкой. Она завела его в крошечный закуток, напоминающий кабинет врача, где быстро вымыла руки и, натянув резиновые перчатки, знаком велела ему лечь на кушетку.

«Почему она все время молчит?» – подумал Илья, блаженно растягиваясь на прохладном полиэтилене. Очередная перевязка раны вызвала новый приступ боли, но Труднов приложил все усилия, чтобы Лида не заметила этого.

Закончив с рукой, она промыла ему лоб, заклеив рассеченное место пластырем.

После этого девушка отвела его в душевую кабину, жестами объяснив, что обработанные места лучше не подставлять под воду, но Илья знал это и без ее напоминания.

«Похоже, девчонка немая», – решил он, и ему почему-то стало жаль ее.

От предложенной Лидой одежды Труднов отказался. Почему-то в мятых брюках и выпцветшей рубашке, которые дала ему старуха в заброшенном доме, он чувствовал себя спокойнее и даже уютнее.

Когда все было готово, Лида взяла его за руку и, словно ребенка, повела обратно, вниз, на первый этаж, и ему нравилось прикосновение ее тонких нежных пальцев. В какой-то момент Илья даже подумал, что готов идти за этой стройной, как юная серна, девушкой хоть всю жизнь – вот так, держась за руки, как влюбленные дети.

Приоткрыв дверь в гостиную, она вопросительно посмотрела на Петра Алексеевича, и когда тот кивнул, тихо отступила в сторону, позволяя Илье войти внутрь.

За громадным столом, сплошь заставленным всевозможными блюдами и тарелками, сидели всего двое – Королев и Борис. Еще двое мужчин расположились в креслах у окна – «песочный» и такой же крепыш в серых джинсах и бомбере цвета хаки. Оба были погружены в смартфоны, сосредоточенно водя толстыми пальцами по экранам гаджетов.

– Ребята, оставьте нас, – негромко произнес Петр Алексеевич, и те, как по команде, поднялись, пряча смартфоны в карманы.

– Дмитрий, не забудь забрать товар, – напомнил Королев, и тот, что был в бомбере, молча кивнул.

«Охрана», – догадался Илья.

– Что стоишь? – удивился Петр Алексеевич. – Давай, располагайся. Уверен, что после тюремной баланды ты не прочь побаловать свой желудок.

Илья почувствовал, как его рот наполняется вязко-теплой слюной. Невзирая на сосущую тревогу, которая не отпускала его с того момента, как «песочный» взял его к себе на катер, при виде такого обилия съестного у него буквально разбегались глаза. Нежно-розовые ломтики семги, запеченная в сметане и тушеными овощами таймень, покрытая золотистой корочкой курица, миска с крупными мидиями, сквозь полуоткрытые створки которых желтела пропеченная мякоть моллюсков, нарезанные свежие помидоры со сладким перцем, присыпанные душистым укропом, прозрачная вазочка, доверху наполненная красной зернистой икрой, поблескивающая влажной пленочкой, розетки с моченой красной смородиной, голубикой и малиной и многое другое.

– Ну, чего застыл? – усмехнулся Петр Алексеевич. Взгляд его опустился на брюки Ильи. – А чего в новое не переоделся?

– Не надо, – выдавил Илья. – Я лучше в своем.

– Что в кармане-то? – прищурился Королев.

Беглец опустил взор, наткнувшись на рыбий хвост, невозмутимо торчавший из левого кармана.

– Так, – неопределенно проговорил он и принужденно улыбнулся: – Энзэ.

– Я уже понял. Дай сюда.

Илья молча вынул из брюк задубевшую от соли рыбину и положил ее на стол. Петр Алексеевич с безразличным видом взял ее кончиками пальцев, принялся.

– Дерьмо, – сделал вывод он, швыряя воблу прямо на пол. – Если любишь сушеную рыбу, я тебя угощу такой, что за шиворот не оторвешь, особенно под пиво. У нашей тарани с икорки жирок капает, а ребрышки, если на свет смотреть, аж прозрачные.

Борис засмеялся, цепляя вилкой кусочек семги, а Илья молча смотрел на воблу, сиротливо валявшуюся на полу. У него неожиданно возникло ощущение, что ему только что смачно харкнули прямо в лицо. Как будто это хамло в расшитом золотом халате только что вместо рыбины вырвал из его груди сердце, кинув на пол, словно кость собаке. С отвращением бросил на пол его собственное сердце, вырванное из груди.

Илья хотел сказать, что не так уж он любит сушеную рыбу. Он хотел сказать, что не очень-то это вежливо – кидаться продуктами тем более если они чужие и тебе не принадлежат. Он хотел напомнить, что эта рыба – последнее, что было у несчастной старухи, когда она собирала его в дорогу, и сейчас она осталась вообще без еды, не считая жалкую кучку ягод, засохших до каменной твердости. Все это буквально рвалось наружу кипящим варевом, но усилием воли Илья сдержался.

Он будет играть по здешним правилам.

По крайней мере, *ему придется*. Хоть какое-то время.

– Садись, садись, – махнул рукой Королев, наплескивая в хрустальную рюмку водки. – Ешь и пей вволю. Давай, дружище. За твое освобождение.

Все трое звякнули рюмками.

Илья опрокинул в себя водку, зажмурясь с непривычки. Он не помнил, когда в последний раз употреблял спиртное, но сейчас у него возникло стойкое ощущение, будто в глотку сыпанули стакан гвоздей. Он закашлялся, на глазах выступили слезы, и он торопливо налил себе яблочного компота, затушив пылающее огнем нутро.

Петр Алексеевич с Борисом расхохотались.

– Там небось одним чифиром баловался, да? – предположил Борис.

– Я не пил чифир, – отдышавшись, ответил Илья.

Петр Алексеевич подвинул к нему пузатый глиняный горшочек с рифлеными узорами:

– Попробуй. Супец из дальневосточной черепахи.

Илья снял крышку, вдохнув насыщенный аромат варева.

– Пахнет вкусно, – машинально отметил он и вяло зачерпнул ложку. Суп был густым, почти как каша.

– Что ты помнишь, Илья? – вдруг спросил Королев, перестав улыбаться. Он потянулся к курице, быстрым движением разорвав ее на части, так, что в стороны полетели сочные горячие брызги. – Что?

Труднов застыл с ложкой у рта.

– То есть?

– А то. Ты не узнал меня, а значит, слухи о твоей потере памяти – правда.

Илья нашел в себе силы проглотить содержимое ложки. Суп и вправду был восхитительным.

– Почти ничего.

– Интересно, – протянул Королев. – Разговаривать ты умеешь. Ходить тоже. В штаны, прости господи, не серешься, так?

Илья покраснел.

– Значит, не так уж у тебя и память-то отшибло, крестничек, – резюмировал Петр Алексеевич.

– Я не узнал вас, – с трудом проговорил Илья.

– Ты можешь обращаться ко мне на «ты», – разрешил Королев. Отломив от курицы крылышко, он принялся с хрустом перемалывать ее своими крепкими желтыми зубами.

– Договорились.

– Как умер Цапон? – вдруг спросил Петр Алексеевич. Прожевав крылышко, он занялся куриной голенью, жадно вгрызаясь в нежную мякоть. По его толстому раздвоенному подбородку потек золотистый жир.

– Его изрешетил один из конвойных. Они стреляли одновременно, но Цапон еще жил какое-то время, – сказал Илья. Он заглянул в горшочек, из которого все еще поднимался легкий ароматный дымок, но больше есть не стал. Звякнула увесистая крышка, накрывая черпаховый суп.

– Давай подробней, – потребовал Королев. Быстро справившись с ножкой, он начал вытирать салфеткой мясистые руки, тщательно, не обходя вниманием ни один палец.

– Я услышал громкий хлопок, и машина перевернулась. Затем повалил дым, кто-то кричал и звал на помощь, – вздохнув, начал Илья. Слова давались ему тяжело, казалось, кто-то невидимый засунул внутрь ржавые клещи, с треском выдирая наружу кровоточащие внутренности. – Меня выволокли наружу. Послышались выстрелы. Когда я смог разобрать, что к чему, Цапон уже умирал. Он сказал, что в девять вечера к старому причалу Деминска придет лодка. Рассказал, как туда добраться. Я нашел ключи у охранника, снял наручники и сбежал.

– Цапон точно умер? – уточнил Борис.

– Я проверил пульс. Мертвее не бывает, – подтвердил Илья. Он взял с тарелки толстый ломоть буженины, положил его на белый хлеб, закрыл сверху ноздреватым кусочком сыра и с угрюмым видом принялся жевать бутерброд. Странно, но аппетит пропал напрочь, как отрезало...

Борис разлил водку, но он с сомнением посмотрел на свою наполненную рюмку. Пить сейчас не хотелось тем более.

Петр Алексеевич утопил палец в кнопку звонка для прислуги, расположенного прямо на столе, и спустя пару мгновений в гостиную заглянула Лида.

– Неси зайца, – распорядился Королев, и девушка, понятиливо кивнув, скрылась.

– Ты что-то вообще ничего не ешь, – озабоченно заметил Борис.

– Все в порядке, – буркнул Илья. Появись, он задал вопрос: – Гм... Если меня должны были спасти, то... зачем твой человек вез меня сюда под прицелом?

Королев улыбнулся краем рта.

– Ты имеешь в виду Ивана? Тот, что в «разгрузке»?

– Да.

– Он должен был убедиться, что ты не засланный казачок. Кстати, на тебе была «гражданка», а не тюремная роба.

– Мне...

Илья запнулся. Ему не очень хотелось сейчас рассказывать о Наталье, той странной худой старухе.

– Мне дал ее один человек. Но это отдельная история, – сказал он, глядя в сторону.

В комнату неслышно вошла Лида, неся громадный казан, накрытый крышкой. Борис быстро раздвинул в стороны тарелки с мисками, освобождая место. Королев снял крышку, жадно втягивая одуряющий запах тушеной зайчатины:

– Вот это я понимаю.

Они выпили снова, и он с удвоенной силой набросился на жаркое.

«Куда в него столько влезает?» – изумленно подумал Илья.

Он без особого аппетита проглотил пару мидий, поковырял вилкой таймень и налил себе компот. Странное чувство – голод вроде отступил, и урчащий желудок успокоился. При этом никакого вкуса от съеденного Илья не ощущал – всю еду словно обесцветили, оставив лишь сухие цифры калорий, белков и жиров.

– Что у тебя на шее? – осведомился Королев. Рыгнув, он снова начал вытирать руки салфеткой – перед ним уже лежала целая горка бумажных шариков, темно-оранжевого цвета от впитавшегося жира. – Когда тебя «закрывали», этой дырки не было. И говорил ты нормально. А сейчас шипишь, как пробитое колесо.

– Повздорил с сокамерником, – с неохотой проговорил Илья.

– И что?

– В смысле? – не понял Илья.

– В прямом. Зацеловал тебя до смерти? – спросил Петр Алексеевич. Глаза его потемнели. Он смял очередную салфетку, щелчком толстого ногтя отправив ее на тарелку с салом. Медленно встал, вышел из-за стола и, обойдя его, остановился за спиной Труднова, тяжело сопя.

– Заточка, – коротко ответил Илья. Он буквально затылком ощущал жаркое дыхание хозяина дома – смесь перегара, сыра и тушеного мяса.

– Заточка, – тихо повторил за ним Королев, и через секунду его толстые пальцы клещами сжали шею беглеца. Труднов вздрогнул, непроизвольно задев стакан, который тут же перевернулся, заливая кипенно-белую скатерть яблочным компотом.

– Что же ты творил, сука гнойная? – прошипел Петр Алексеевич, не ослабляя хватку. – Что же ты творил, больной урод?! Твой отец наверняка в гробу сто раз перевернулся!

– Я... отпу... сти... – прохрипел Илья, тщетно пытаясь оторвать стальные пальцы от немеющей шеи. От недостатка кислорода в висках шумело и нервно пульсировало, голова раздувалась, словно ее накачивали гелием.

– Я следил за прессой! – багровея, заорал Королев. – Все те, над которыми ты издевался, насиловал и убивал, – одинокие старухи!! Ты специально искал беспомощных, потому что их никто не стал бы искать!!! Е. ный извращенец!!!

Глаза Ильи выпучились, лицо приобрело лиловый оттенок. Оставив попытки расцепить железобетонные пальцы Королева, трясущейся рукой он нащупал вилку. Очевидно, Петр Алексеевич заметил это, так как хватка моментально ослабла, и он на всякий случай шагнул назад.

Пошатываясь, Илья поднялся из-за стола.

– Что, хотел меня пырнуть, гаденыш? – оскалился Королев.

– Ты... – прохрипел Илья, хватая воздух ртом, как бьющаяся на крючке рыба. – Ты не...

– Положи вилку и сядь, – жестко приказал Петр Алексеевич. – Или я позову Ивана, и он сделает из тебя кровавую мочалку.

Тяжело дыша и кашляя, Илья опустился на стул. Перехватил многозначительный взгляд Бориса. В глазах длинноволосого мужчины плясали злорадные искорки, и ему захотелось убить его. Его и этого жирного хряка в узбекском халате, вцепиться в горло зубами, разорвать артерии, чувствуя, как в глотку бьет тугая горячая струя крови.

Между тем Королев вернулся на свое место и, как ни в чем не бывало, уселся на диван. Его широкое отечное лицо разъехалось в ухмылке:

– Ладно, ладно, вспылел я. Но и ты хорош. Может, ты думал, за твои подвиги я тебе медаль на сиську повешу? Или «Орден Святого Ябукентия»? Хер на рыло, мальчик.

Илья исподлобья глядел на сидящих напротив мужчин.

«Это враги, – тревожно зазвенело в мозгу, словно серебряный колокольчик. – Враги. Нужно убираться отсюда!»

– На хера ты влез в это дело? – вновь заговорил Королев. – Обратился бы ко мне, я бы тебе достал резиновую старушку, хе-хе. Отрежь ей что хочешь – не хочу.

Борис холодно улыбнулся, специальной ложечкой выловил из хрустальной розетки оливку, неспешно отправил ее в рот. Маслянисто подмигнул Илье, и тот отвел пылающий взгляд. От него не ускользнуло, что тщательно ухоженные ногти Бориса матово поблескивали.

«Он что, педик?!»

– Кем был мой отец? – спросил Труднов, когда прерывистое дыхание, наконец, выровнялось. – Где моя мать? Где я жил *до этого*?!

– У тебя нет родителей, – спокойно ответил Петр Алексеевич. – Погибли много лет назад в аварии.

– Должны быть какие-то фотографии, – процедил Илья. – Только что ты чуть не задушил меня. Я тебя не помню. Откуда я знаю, что ты задумал?!

Королев залился раскатистым смехом, но на этот раз Борис к нему не присоединился.

– Парень, – прокудахтал Петр Алексеевич, вытирая выступившие на глазах слезы. – Если бы я решил от тебя избавиться, то Лида уже вытирала бы здесь дерьмо, что от тебя осталось бы.

– Ну что ж, спасибо, что я пока еще человек, а не дерьмо, – криво усмехнулся Илья.

– Молодец, раз не утратил чувство юмора, – заметил Петр Алексеевич. – А что касается фотоархивов, то все есть. Всему свое время, Илья.

– Я должен тебе верить? – тихо спросил Труднов.

Королев развел свои громадные руки в стороны:

– А что, у тебя есть другие варианты? Тебе придется мне довериться.

– Ладно. Зайдем с другой стороны, – заговорил Илья. – Если ты уж так хотел меня выгнать оттуда... Почему ты не нанял мне нормального адвоката? У тебя ведь денег куры не клюют, как я погляжу. Зачем было устраивать эту мясорубку на дороге? Со взрывом и стрельбой?! Два трупа и один тяжелораненый! Моя рожа теперь на каждом столбе наклеена! Куда я сунусь?! Только что в петлю!

– Ты идиот, Илюша, – вздохнул Петр Алексеевич. – Ни один адвокат не взялся бы защищать твою задницу после всего того, что ты натворил. Город у нас небольшой, все на виду. Если бы кто-то впрягся за тебя, ночью этому смельчаку сожгли бы машину, а то и дом.

– Погибли люди, – хрипло произнес Илья. И когда после этих слов физиономия Королева вновь расплылась в глумливой улыбке, он едва удержался, чтобы не швырнуть в него горшок с остывающим черепаховым супом.

Наклонившись, словно намереваясь сообщить что-то доверительно-важное, Петр Алексеевич медленно отчеканил:

– Людей тебе жалко, геронтофил хренов? А кто бедным бабушкам руки-ноги отпиливал, а потом насаживал на колья, как памятные бюсты?

– Петр, может, хватит? – осторожно заметил Борис.

– Я сам, б...дь, решу, когда хватит! – раздраженно гаркнул Королев.

Боковым зрением Илья почувствовал какое-то движение за окном и непроизвольно повернул голову. И тут же отпрянул, увидев прилепленное к окну чье-то бледное лицо. Незнакомец прислонил узкие ладони к стеклу, безразлично разглядывая собравшихся в комнате. Лицо было ровным, без единой эмоции, словно чистый лист бумаги, только что извлеченный из пачки.

Заметив реакцию Ильи, Королев с Борисом тоже посмотрели в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.